

Религия и межгрупповой конфликт: современные исследования религиозного фундаментализма

Хухлаев О.Е.,

кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры этнопсихологии и психологических проблем
поликультурного образования, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
huhlaevoe@mgppu.ru

Александрова Е.А.,

кандидат культурологических наук, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем
поликультурного образования, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
aleksandrovaee@gmail.com

Зыков Е.В.,

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной и специальной педагогики
и психологии, Армавирская государственная педагогическая академия, Армавир, Россия,
zykov_jenya@mail.ru

Статья содержит обзор современных подходов к решению вопроса о том, являются ли верования, специфически религиозные отношения, практики или религиозные группы причиной межгруппового конфликта. Исследования показывают, что роль ключевой переменной в структуре межрелигиозной враждебности — религиозного фундаментализма — крайне неоднозначна и сильно зависит как от особенностей ситуации (например, характера прайминга религиозными текстами), так и от культурного контекста. В ситуациях, когда религиозные послания диктуют необходимость гуманного отношения к «иным», религиозные фундаменталисты демонстрируют позитивное отношение к представителям аутгруппы. Специфика микро- и макро-уровней в конкретной ситуации может приводить как в возрастанию, так и к нивелированию «религиозно-специфического» фактора в межгрупповом противостоянии.

Ключевые слова: религиозный фундаментализм, межгрупповая враждебность, предрассудки, религиозность.

Для цитаты:

Хухлаев О.Е., Александрова Е.А., Зыков Е.В. Религия и межгрупповой конфликт: современные исследования религиозного фундаментализма [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2018. Том 7. № 4. С. 32—39. doi:10.17759/jmfp.2018070404

For citation:

Huhlaev O.E., Alexandrova E.A., Zikov E.V. Religion and intergroup conflict: modern studies of religious fundamentalism [Elektronny resurs]. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2018, vol. 7, no. 4, pp. 32—39. doi: 10.17759/jmfp.2018070404 (In Russ.; Abstr. in Engl.).

Межгрупповой конфликт — это специфическая форма межгруппового восприятия и взаимодействия, активное и /или пассивное противостояние между различными группами [1]. Так как религия всегда играла значимую роль в социуме, религиозный фактор является важным и в межгрупповых конфликтах разного рода [2].

Однако фактическое использование религиозных атрибутов в межгрупповом противостоянии не дает однозначного ответа — является ли религия сама по себе источником межгрупповых конфликтов? Выступают ли определенные верования, специфические религиозные отношения, практики или религиозные группы как самостоятельная причина конфликта? В следствие этого остается открытым вопрос: насколько фактор религии является значимым «сам по себе?». Наполняет ли он межгрупповую конфликтность каким-то особым значением или играет формальную

роль, представляя собой всего лишь маркер аутгруппы, не имеющий значимых отличий с другими типовыми аутгруппами?

В современной социальной психологии наиболее полно природа межгрупповой конфликтности описана в рамках теории межгрупповой угрозы [28]. Согласно данной теории источником неприязни (лежащей в основе конфликта) является ощущение угрозы, которое вызывает у людей аутгруппа. Это ощущение проявляется в виде реальной угрозы, связанной со страхом за жизнь, здоровье и/или материальное благополучие. Также угроза может ощущаться символически: люди зачастую опасаются того, что представители других групп нанесут ущерб их религии, ценностям и мировоззрению.

Очевидно, что религиозный фактор может проявляться как в виде символической, так и реальной угрозы. Социальная организация конкретных групп может

строиться по религиозному признаку (например, арабы-мусульмане и евреи-иудеи в Палестине в 1940-х гг. перед началом острой фазы конфликта и до создания государства Израиль). Если межгрупповое противостояние связано, предположим, с разделом ресурсов (территория, экономические ресурсы), то религиозная категоризация будет определять источник реальной угрозы в межгрупповом конфликте.

В ситуации, когда религия играет ведущую роль в определении реальной угрозы, она, по сути, является всего лишь маркером принадлежности к иной социальной группе, представители которой угрожают «нашим» ресурсам. Религиозность PerSe, каноны, духовные и обрядовые практики в этом случае выступают только как признаки принадлежности к ин и аут-группам. Таким образом, религия может рассматриваться как ситуационный фактор при разворачивании межгрупповых конфликтов с ощущением реальной угрозы на основе социальной категоризации [19].

В то же время люди могут считать, что носители другой религии могут нанести вред исповеданию их религии, что обрядовая практика «иноверцев» противоречит религиозным канонам ин-группы и несет угрозу религиозному мировоззрению [18]. В этом случае социальные психологи говорят о существовании символической угрозы, что, однако, не снижает (а зачастую повышает) градус конфликтного противостояния.

Таким образом, религиозность выступает как индивидуальная особенность, являющаяся самостоятельной предпосылкой межгрупповой неприязни [21]. Однако, как отмечал Г. Олпорт «роль религии парадоксальна. Она может как творить предрассудки, так и их разрушать» [5, с. 444]. Соответственно, магистральная цель всех исследований религиозной природы межгрупповой враждебности заключается в выделении определенных характеристик религиозности, «ответственных» за ее вклад в межгрупповую неприязнь.

Исследования 60—70-х годов XX столетия были основаны на модели религиозных ориентаций Г. Олпорта [4; 3], согласно которой внутренняя религиозность отражается позитивно на межгрупповом взаимодействии, а внешняя религиозная ориентация связана с предубежденностью к аут-группам. Первоначально данная гипотеза нашла определенное эмпирическое подтверждение [16]. Однако, как отмечают И. Хансен и А. Норензян [20] религиозная ориентация в многочисленных исследованиях обнаруживает различные взаимоотношения с предубежденностью. Однозначные данные, подтверждающие, что именно внешняя (extrinsic) религиозная мотивация устойчиво связана с предрассудками, получены только на материале США [19]. Таким образом, результаты современных изысканий в данной области знаний крайне противоречивы и не позволяют однозначно переносить данные, полученные в рамках изучения преимущественно протестантов, на другие религиозные группы.

Другой путь изучения формы религиозности, порождающей межгрупповые конфликты, связан с представ-

лением о существовании религиозного фундаментализма. Это особый вид религиозной ориентации, характеризующийся беспрекословной и непоколебимой уверенностью в основные религиозные догмы [7]. Концепция религиозного фундаментализма разработана Б. Альтмейером и является частью более широкой теории, утверждающей, что ведущей индивидуальной причиной межгруппового противостояния является авторитаризм правого толка [6; 8]. Религиозный фундаментализм, по сути является отражением в религиозной сфере общих авторитарных установок, что подтверждается многочисленными исследованиями [8; 19; 23].

Однако современные исследования показывают, что делать однозначные выводы о связи религиозного фундаментализма и межгрупповой враждебности преждевременно. Так в масштабном исследовании мусульман из разных стран (от Индонезии до России) было обнаружено, что религиозный фундаментализм не только не повышает, но даже снижает поддержку воинствующего экстремизма [23]. Европейские христиане, демонстрирующие высокий балл по шкале «фундаментализм», не готовы голосовать за «крайне правых» [9], т. е. за партии политического спектра однозначно поддерживающих рост межгрупповой конфликтности. В отличие от авторитаризма религиозный фундаментализм является предиктором желания помочь близким (друзьям) или членам ин-группы [13].

Д. Блоговская и В. Сароглоу [13] предположили, что религиозный фундаментализм имеет двойственную природу. С одной стороны он тесно связан с авторитарными предрассудками. С другой стороны он, вследствие включенности в религиозные практики, стимулирует религиозное просоциальное поведение, нацеленное на соответствие религиозным канонам. Для проверки этой гипотезы, была проведена серия исследований, на описании которых мы остановимся подробнее.

Религиозный фундаментализм: влияние содержания религиозных текстов

Исследования Д. Блоговской и В. Сароглоу [13] строилось на модели религиозного прайминга, применявшейся с успехом в изучении сходных феноменов [14; 27]. Их цель состояла в том, чтобы проверить гипотезу о том, что религиозный фундаментализм может выступать предиктором как антисоциального, так и просоциального поведения в зависимости от характера религиозного текста, демонстрируемого в формате прайминга.

Задача части исследований состояла в том, чтобы выяснить, снижает ли чтение библейского текста, демонстрирующего легитимность насилия (Левит, 24:10-16), желание помочь незнакомцу. В других исследованиях респондентам предъявлялась цитата из Нового Завета, одобряющая гуманное, просоциальное поведение (милосердие, прощение и альтруизм (Лука, 6:36-38).

Так как известно, что фундаменталистское поведение связано с желанием помочь членам собственной группы, но не незнакомцам [22], в качестве объекта помощи в первом исследовании был выбран незнакомый человек. В последующих исследованиях образ незнакомца был дополнен характеристиками, которые заведомо вызывают неприязнь фундаменталистски ориентированных религиозных людей. Это были либо атеисты (т.е. носители угрозы религиозному сознанию), либо люди, которые попали в беду благодаря собственным действиям. Таким образом, оценивалось желание помочь не просто представителям аутгруппы, но тем, кто нарушает представления об идеале для фундаменталистски ориентированного индивида, заранее определяя негативное к ним отношение.

В результате обнаружено, что в христианской аудитории библейские тексты, поддерживающие насилие, снижают уровень просоциального поведения у фундаменталистов и ведут к снижению желания помочь неизвестным людям и атеистам. Просоциальные библейские тексты, напротив, ведут к повышению положительного отношения к нуждающимся незнакомцам и атеистам.

Таким образом, показано, что агрессивный религиозный текст вызывает у фундаменталистов ощущение, угрозы, исходящей от аутгруппы, что приводит к снижению просоциального поведения по отношению к ним. Религиозные тексты, проповедующие сострадание, наоборот, повышают уровень просоциального поведения, стимулируя фундаменталистов к просоциальному отношению к нуждающимся в помощи и атеистам. Данные результаты являются отражением более широкой тенденции влияния социальной желательности. Так, известно, что в ситуации, когда неприязнь к конкретной группе становится социально запрещенной, связь фундаментализм — предубеждение (или даже религиозность — предубеждение) исчезает [11; 19].

При этом Д. Блоговская и В. Сароглоу рассматривают смещение поведения фундаменталистов в сторону просоциального как поверхностное, так как оно основано на покорности религиозному учению. Эта позиция связана с тем, что покорность и зависимость — не всегда лучшая гарантия просоциальности и соблюдения моральных норм [24].

Ориентация на религиозный поиск («quest religious orientation»), форма религиозности, поддерживающая сомнения и принятие изменений в содержании верования (противоположная догматизму) [10], является устойчивым предиктором терпимого отношения к людям, угрожающим религиозным ценностям испытуемого [29]. Это подтверждается также связью между принятием религиозных противоречий, свойственным религиозным течениям Юго-Восточной Азии и большей их толерантностью, по сравнению с монотеистическими религиями Запада [15]. В описанном нами исследовании Д. Блоговской и В. Сароглоу [13] ориентация на религиозный поиск была включена как дополнительное, контрольное по отношению к рели-

гиозному фундаментализму измерение. Оказалось, что люди с высокими показателями стремления к религиозному поиску оказались невосприимчивы к религиозному тексту и в любой ситуации демонстрировали высокий уровень желания помочь. Получается, что ориентация на религиозный поиск не подвержена внешнему воздействию и является безусловным религиозным мотиватором просоциального поведения. В отличие от данной религиозной ориентации, влияние фундаментализма связано с характером конкретной социальной ситуации, например актуальностью того или иного религиозного текста.

Если же расширить научное значение этого исследования и выйти за рамки просоциальности, то видно, что его главный результат — демонстрация лабильности религиозного фундаментализма. В конкретном контексте медиатором его влияния на отношение к аутгруппе выступил характер религиозного текста. Также возможны и иные ситуации, обуславливающие влияние фундаментализма на межгрупповую конфликтность.

В целом, рассмотрение религиозного фундаментализма как непрямого предиктора межгрупповой враждебности, воздействие которого опосредовано целым рядом факторов, еще требующих подробного изучения (как ситуационных, так и диспозиционных), позволяет в определенной мере примирить противоречивые результаты изучения вклада религиозного фундаментализма в межгрупповое противостояние.

Следующим шагом в данном направлении может быть рассмотрение религиозного фундаментализма в контексте особенностей религий, его порождающих. Если авторитаризм рассматривается как культурно-универсальный феномен, то очевидно, что безусловная вера в разные религиозные концепции (фундаментализм) может проявляться по-разному, в зависимости от содержания данных концепций. Более подробно данный вопрос рассмотрен в модели религиозного фундаментализма, учитывающей его культурное разнообразие, предложенной В. Сароглоу [26].

Культурное разнообразие религиозного фундаментализма

Остановимся на соотнесении религиозного фундаментализма и особенностей культуры, проявляющихся в специфике различных вероисповеданий.

В. Сароглоу [25] отмечает существование четырех основных измерений религии: а) вера в специфические, неочевидные для других идеи; б) ощущение связи с трансцендентным; в) представления о правильном поведении; г) принадлежность к авторитетной группе, имеющей отношение к вечности, бессмертию. Эти измерения проявляются в различных социумах по-разному и потому могут специфически раскрываться в контексте фундаментализма и его оппозиции «широкому религиозному мышлению» («open-minded ways»).

Формы фундаменталистского развития каждого из описанных выше измерений религии, могут выглядеть следующим образом [26].

а) Вера трансформируется в догматизм и буквальное понимание в противоположность символическому восприятию религиозных идей.

б) Связь с трансцендентным становится негативной эмоциональностью, проявляющейся при участии в религиозных ритуалах (в противоположность позитивной эмоциональности).

в) Представления о верном поведении становятся моральным ригоризмом (бескомпромиссностью) и коллективистской моралью в противовес вариативным моральным установкам, чувствительным к индивидуальному (а не межгрупповому) контексту.

г) Ощущение принадлежности к значимой религиозной группе трансформируется в сильную межгрупповую отчужденность в противовес проницаемости групповых границ.

Таким образом, В. Сароглоу обозначает четыре типа религиозного радикализма среди монотеистических религий: догматический, ритуалистический, моралистический и радикализм, центрированный на идентичность («identitarian»). Более развернуто модель культурного разнообразия религиозного фундаментализма среди монотеистических религий представлена в табл. 1.

Безусловно, соотнесение вариантов фундаментализма с определенными религиями и культурными регионами вызывает много вопросов, требует дополнительной аргументации и соответствующих эмпирических исследований. Однако уже сейчас видны ресурсы данного подхода.

Согласно теории межгрупповой угрозы [28], основным психологическим источником межгрупповой враждебности является переживание символической или реальной угрозы от аутгруппы. При этом символическая угроза, на которую наиболее остро реагируют религиозные фундаменталисты, может проявляться по-разному. Очевидно, что разные типы религиозного

фундаментализма более чувствительны к различным формам символической угрозы.

Для религиозного Догматизма/Буквализма наиболее пугающими будут аутгруппы, ставящие под сомнение истинность их веры, содержание религиозных смыслов.

Фундаменталисты, центрированные на ритуалах, обеспечивающих связь со своей группой («ритуализм»), будут наиболее неприязненно относиться к аутгруппам, воспринимаемым как угроза ритуальной практике, нарушающим внутреннее спокойствие и эмоциональную стабильность.

Фундаментализм-Морализм будет стимулировать повышенную чувствительность к угрозе, исходящей от аутгруппы, связанной с нарушением социальных норм и демонстрирующей поведение, противоречащее моральному коду.

Для религиозного фундаменталиста, центрированного на принадлежности к группе («идентитиаризм»), наиболее пугающими будут казаться аутгруппы, которые угрожают социальной самооценке ингруппы.

Выводы

Можно сказать, что в современной зарубежной психологии не существует однозначного ответа на вопрос о том, является ли религия источником межгрупповых конфликтов. Магистральная линия исследования связи религии и межгрупповой конфликтности шла последние 30 лет в рамках модели религиозного фундаментализма, изначально однозначно рассматриваемого в качестве специфического «религиозного» предиктора предрассудков.

В исследованиях прайминга религиозных текстов Д. Блоговской и В. Сароглоу показано, что роль религиозного фундаментализма неоднозначна. В ситуациях, когда религиозные послания диктуют необходимость гуманного отношения к «иным», религиозные фундаменталисты демонстрируют позитивное отношение к представителям аутгруппы.

Таблица 1
 Культурное разнообразие религиозного фундаментализма среди монотеистических религий [26]

Измерение религиозности	Результаты конструирования культуры	Основные цели, мотивы	Тип радикализма	Внутренние процессы	Вероисповедание	Регионы
Вера (Believing)	Убеждения, мировоззрение	Смысл, истина	Догматизм	Догматизм, буквализм	Протестантизм	Северная Европа, США
Связь (Bonding)	Ритуалы, эмоции	Эмоциональный самоконтроль, внутреннее спокойствие	Ритуализм	Негативная эмоциональность, магическое мышление	Иудаизм, Православие	Восточная Европа, Средиземноморье
Поведение (Behaving)	Нормы, моральный код	Моральный самоконтроль, праведность	Морализм	Ригоризм, коллективистская мораль	Католицизм, Ислам	Западная Европа, Ближний Восток
Принадлежность (Belonging)	Сообщество, группа	Социальная самооценка	Центрация на идентичности («Identitarian»)	Отчужденность ингруппы и аутгруппы	Иудаизм, Православие	Восточная Европа, Средиземноморье

Учет культурных и региональных особенностей, отраженных в специфике вероисповедания, приводит исследователей к пересмотру концепции религиозного фундаментализма как универсальной во всех религиозных традициях. Согласно подходу В. Сароглоу, разные типы религиозности приводят к тому, что религиозный фундаментализм в одной культурной среде будет стимулировать предрассудки к одному типу групп, а в другой — к совершенно иному.

В целом данные исследования позволяют с одной стороны, подтвердить значимую роль религии в продуцировании межгрупповой конфликтности, с другой — показать, что эта роль не универсальна, а сильно зависит от влияния как культуры так и особенностей конкретной ситуации. Специфика микро и макро-уровня в конкретной ситуации может приводить как к возрастанию так и к нивелированию «религиозно-специфического» фактора в межгрупповом противостоянии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гулевич О.А. Психология межгрупповых отношений. Москва: Юрайт, 2017. 341 с.
2. Религия и конфликт / Под ред. А. Малашенко, С. Филатова. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 289 с.
3. Тутов Р.С. Концепция индивидуальной религиозности Г. Олпорта: понятие религиозных ориентаций // Культурно-историческая психология. 2013. № 1. С. 2—9.
4. Allport G.W., Ross J.M. Personal religious orientation and prejudice // Journal of Personality and Social Psychology. 1967. Vol. 5. № 4. P. 432—443. doi:10.1037/h0021212
5. Allport, G.W. The nature of prejudice. Cambridge, MA: Addison-Wesley, 1954. 537 p.
6. Altemeyer B. The authoritarian spectre. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996. 384 p.
7. Altemeyer B., Hunsberger B. A revised Religious Fundamentalism Scale: The short and sweet of it. International // Journal for the Psychology of Religion. 2004. Vol. 14. № 1. P. 47—54. doi:10.1207/s15327582ijpr1401_4
8. Altemeyer B., Hunsberger B. Fundamentalism and authoritarianism // Handbook of the psychology of religion and spirituality / Eds. R.F. Paloutzian, C.L. Park. New York, NY: Guilford Press, 2005. P. 378—393.
9. Arzheimer K., Carter E. Christian religiosity and voting for West European radical right parties // West European Politics. 2009. Vol. 32. № 5. P. 985—1011. doi:10.1080/01402380903065058
10. Batson C.D., Denton D.M., Vollmecke J.T. Quest religion, anti-fundamentalism, and limited versus universal compassion // Journal for the Scientific Study of Religion. 2008. Vol. 47. № 1. P. 135—145. doi:10.1111/j.1468-5906.2008.00397.x
11. Batson C.D., Schoenrade P., Ventis W.L. Religion and the individual: A social psychological perspective. New York: Oxford University Press, 1993. 427 p.
12. Beller J., Kröger C. Religiosity, Religious Fundamentalism, and Perceived Threat as Predictors of Muslim Support for Extremist Violence // Psychology of Religion and Spirituality. 2018. Vol. 10. № 4. P. 345—355. doi:10.1037/rel0000138
13. Blogowska J., Saroglou V. For Better or Worse: Fundamentalists' Attitudes Towards Outgroups as a Function of Exposure to Authoritative Religious Texts // International Journal for the Psychology of Religion. 2013. Vol. 23. № 2. P. 103—125. doi:10.1080/87567555.2012.687991
14. Blogowska J., Saroglou V. Religious fundamentalism and limited prosociality as a function of the target // Journal for the Scientific Study of Religion. 2011. Vol. 50. № 1. P. 44—60. doi:10.1111/j.1468-5906.2010.01551.x
15. Clobert M., Saroglou V., Hwang K.K. East Asian religious tolerance versus Western monotheist prejudice: The role of (in) tolerance of contradiction // Group processes & intergroup relations. 2017. Vol. 20. № 2. P. 216—232. doi:10.1177/1368430215603458
16. Cook D.B., McDaniel M.G., Doyle-Portillo S.M. Taking religion to heart: the relationship between the Five Factor Model and the New Indices of Religious Orientation among religious students // Journal of beliefs & values—studies in religion & education. 2018. Vol. 39. № 3. P. 304—316. doi:10.1080/13617672.2018.1429172
17. Donahue M.J. Intrinsic and extrinsic religiousness: Review and meta-analysis // Journal of Personality & Social Psychology. 1985. Vol. 48. № 2. P. 400—419. doi:10.1037/0022-3514.48.2.400
18. Goplen J., Plant E.A. A Religious Worldview: Protecting One's Meaning System Through Religious Prejudice // Personality and Social Psychology Bulletin. 2015. Vol. 41. № 11. P. 1474—1487. doi:10.1177/0146167215599761
19. Hall D., Matz D.C., Wood W. Why don't we practice what we preach? A meta-analytic review of religious racism // Personality and Social Psychology Review. 2010. № 14. P. 126-139. doi:10.1177/1088868309352179
20. Hansen I.G., Norenzayan A. Between yang and yin and heaven and hell: Untangling the complex relationship between religion and intolerance // Where God and science meet: How brain and evolutionary studies alter our understanding of religion / Ed. P. McNamara. Westport, CT: Praeger, 2006. P. 187—211
21. Hodson G., Dhont K. The person-based nature of prejudice: Individual difference predictors of intergroup negativity // European Review of Social Psychology. 2015. Vol. 26. № 1. P. 1—42. doi:10.1080/10463283.2015.1070018
22. Hood R.W., Hill P.C., Spilka B. The psychology of religion: An empirical approach. 4th ed. New York: Guilford Press, 2009. 636 p.

23. *McCleary D.F., Quillivan C.C., Foster L.N.* Meta-analysis of correlational relationships between perspectives of truth in religion and major psychological constructs // *Psychology of Religion and Spirituality*. 2011. Vol. 3. № 3. P. 163—180. doi:10.1037/a0022208
24. Moral identity and psychological distance: The case of adolescent parental socialization / S.A. Hardy [et al.] // *Journal of Adolescence*. 2010. Vol. 33. № 1. P. 111—123. doi:10.1016/j.adolescence.2009.04.008
25. *Saroglou V.* Believing, bonding, behaving, and belonging: The big four religious dimensions and cultural variation // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2011. Vol. 42. № 8. P. 1320-1340. doi:10.1177/0022022111412267
26. Saroglou V. Intergroup Conflict, Religious Fundamentalism, and Culture // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2016. Vol. 47. № 1. P. 33—41.
27. Saroglou V., Corneille O., Van Cappellen P. «Speak, Lord, your servant is listening»: Religious priming activates submissive thoughts and behaviors // *International Journal for the Psychology of Religion*. 2009. Vol. 19. № 3. P. 143—154. doi:10.1080/10508610902880063
28. *Stephan, W.G., Ybarra O., Morrison K.R.* Intergroup Threat Theory // *Handbook of Prejudice, Stereotyping, and Discrimination* / Ed. T.D. Nelson. New York: Taylor and Francis Group, 2009. P. 43—60.
29. Toward an Understanding of Religious Tolerance: Quest Religiousness and Positive Attitudes Toward Religiously Dissimilar Others / D.R. Van Tongeren [et al.] // *The International Journal for the Psychology of Religion*. 2016. Vol. 26. № 3. P. 212—224. doi:10.1080/10508619.2015.1039417

Religion and intergroup conflict: modern studies of religious fundamentalism

Khukhlaev O.E.,

candidate of psychological sciences, associate professor, professor at the chair of etnopsychology and psychological problems of multicultural education, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, huhlaevoe@mgppu.ru

Alexandrova E.A.,

candidate of cultural sciences, associate professor at the chair of etnopsychology and psychological problems of multicultural education, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, aleksandrovae@gmail.com

Zikov E.V.,

candidate of psychological sciences, associate professor, associate professor at the chair of social and special education and psychology, Armavir State Pedagogical University, Armavir, Russia, zikov_jenya@mail.ru

The article contains an overview of modern approaches to the question of whether beliefs, specifically religious relations, practices or religious groups are the cause of intergroup conflict. The considered key arguments «for» and «against» the decisive role of religion in the intergroup opposition that is related to the religious factor do not allow drawing definite conclusions. Studies show that the role of a key variable in the structure of interreligious hostility — religious fundamentalism — is extremely ambiguous and strongly depends on the characteristics of the situation (for example, the nature of priming with religious texts), and on the cultural context. The specificity of micro and macro levels in a particular situation can lead to both — an increase and a leveling out of the «religion-specific» factor in intergroup opposition.

Keywords: religious fundamentalism, intergroup hostility, prejudice, religiosity.

REFERENCES

1. Gulevich O.A. Psikhologiya mezhrupponovykh otnoshenii [Psychology of intergroup relations]. Moscow: Yurait, 2017. 341 p. (In Russ.).
2. Malashenko A., Filatova S. Religiya i konflikt [Religion and conflict]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2007. 289 p. (In Russ.).
3. Titov R.S. Kontseptsiya individual'noi religioznosti G. Olporta: ponyatie religioznykh orientatsii [Gordon Allport: The Concept of Personal Religious Orientations]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 2013, no. 1. pp. 2—9. (In Russ.; Abstr. in Engl.).
4. Allport G.W., Ross J.M. Personal religious orientation and prejudice. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1967, vol. 5, no. 4, pp. 432—443. doi:10.1037/h0021212
5. Allport, G.W. The nature of prejudice. Cambridge, MA: Addison-Wesley, 1954. 537 p.
6. Altemeyer B. The authoritarian spectre. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996. 384 p.
7. Altemeyer B., Hunsberger B. A revised Religious Fundamentalism Scale: The short and sweet of it. *International Journal for the Psychology of Religion*, 2004, vol. 14, no. 1, pp. 47—54. doi:10.1207/s15327582ijpr1401_4
8. Altemeyer B., Hunsberger B. Fundamentalism and authoritarianism. In Paloutzian R.F., Park C.L. (eds.) *Handbook of the psychology of religion and spirituality*. New York, NY: Guilford Press, 2005, pp. 378—393.
9. Arzheimer K., Carter E. Christian religiosity and voting for West European radical right parties. *West European Politics*, 2009, vol. 32, no. 5, pp. 985—1011. doi:10.1080/01402380903065058
10. Batson C.D., Denton D.M., Vollmecke J.T. Quest religion, anti-fundamentalism, and limited versus universal compassion. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 2008, vol. 47, no. 1, pp. 135—145. doi:10.1111/j.1468-5906.2008.00397.x
11. Batson C.D., Schoenrade P., Ventis W.L. Religion and the individual: A social psychological perspective. New York: Oxford University Press, 1993. 427 p.
12. Beller J., Kröger C. Religiosity, Religious Fundamentalism, and Perceived Threat as Predictors of Muslim Support for Extremist Violence. *Psychology of Religion and Spirituality*, 2018, vol. 10, no. 4, pp. 345—355. doi:10.1037/rel0000138
13. Blogowska J., Saroglou V. For Better or Worse: Fundamentalists' Attitudes Towards Outgroups as a Function of Exposure to Authoritative Religious Texts. *International Journal for the Psychology of Religion*, 2013, vol. 23, no. 2, pp. 103—125. doi:10.1080/87567555.2012.687991
14. Blogowska J., Saroglou V. Religious fundamentalism and limited prosociality as a function of the target. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 2011, vol. 50, no. 1, pp. 44—60. doi:10.1111/j.1468-5906.2010.01551.x

15. Clobert M., Saroglou V., Hwang K.K. East Asian religious tolerance versus Western monotheist prejudice: The role of (in)tolerance of contradiction. *Group processes & intergroup relations*, 2017, vol. 20, no. 2, pp. 216—232. doi:10.1177/1368430215603458
16. Cook D.B., McDaniel M.G., Doyle-Portillo S.M. Taking religion to heart: the relationship between the Five Factor Model and the New Indices of Religious Orientation among religious students. *Journal of beliefs & values-studies in religion & education*, 2018, vol. 39, no. 3, pp. 304—316. doi:10.1080/13617672.2018.1429172
17. Donahue M.J. Intrinsic and extrinsic religiousness: Review and meta-analysis. *Journal of Personality & Social Psychology*.1985, vol. 48, no. 2, pp. 400—419. doi:10.1037/0022-3514.48.2.400
18. Goplen J., Plant E.A. A Religious Worldview: Protecting One's Meaning System Through Religious Prejudice. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2015, vol. 41, no. 11, pp. 1474—1487. doi:10.1177/0146167215599761
19. Hall D., Matz D.C., Wood W. Why don't we practice what we preach? A meta-analytic review of religious racism. *Personality and Social Psychology Review*, 2010, no. 14, pp. 126—139. doi:10.1177/1088868309352179
20. Hansen I. G., Norenzayan A. Between yang and yin and heaven and hell: Untangling the complex relationship between religion and intolerance. In McNamara P. (ed.) *Where God and science meet: How brain and evolutionary studies alter our understanding of religion*. Westport, CT: Praeger, 2006, pp. 187—211
21. Hodson G., Dhont K. The person-based nature of prejudice: Individual difference predictors of intergroup negativity. *European Review of Social Psychology*, 2015, vol. 26, no. 1, pp. 1—42. doi:10.1080/10463283.2015.1070018
22. Hood R.W., Hill P. C., Spilka B. *The psychology of religion: An empirical approach*. 4th ed. New York: Guilford Press, 2009. 636 p.
23. McCleary D.F., Quillivan C.C., Foster L.N. Meta-analysis of correlational relationships between perspectives of truth in religion and major psychological constructs. *Psychology of Religion and Spirituality*, 2011, vol. 3, no. 3, pp. 163—180. doi:10.1037/a0022208
24. Hardy S.A. et al. Moral identity and psychological distance: The case of adolescent parental socialization. *Journal of Adolescence*, 2010. Vol. 33, no. 1, pp. 111—123. doi:10.1016/j.adolescence.2009.04.008
25. Saroglou V. Believing, bonding, behaving, and belonging: The big four religious dimensions and cultural variation. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2011, vol. 42, no. 8, pp. 1320-1340. doi:10.1177/0022022111412267
26. Saroglou V. Intergroup Conflict, Religious Fundamentalism, and Culture. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2016, vol. 47, no. 1, pp. 33—41.
27. Saroglou V., Corneille O., Van Cappellen P. «Speak, Lord, your servant is listening»: Religious priming activates submissive thoughts and behaviors. *International Journal for the Psychology of Religion*, 2009, vol. 19, no. 3, pp. 143—154. doi:10.1080/10508610902880063
28. Stephan, W.G., Ybarra O., Morrison K.R. Intergroup Threat Theory. In Nelson T.D. (ed.) *Handbook of Prejudice, Stereotyping, and Discrimination*. New York: Taylor and Francis Group, 2009, pp. 43—60.
29. Van Tongeren D.R. et al. Toward an Understanding of Religious Tolerance: Quest Religiousness and Positive Attitudes Toward Religiously Dissimilar Others. *The International Journal for the Psychology of Religion*. 2016, vol. 26, no. 3, pp. 212—224. doi:10.1080/10508619.2015.1039417